

Ни с одной из сторон, где они разместили свои силы на границе между Францией и Бельгией, еще не было никакого движения, что было неприятным, но ожидаемым продолжением тупиковой ситуации для Геллерта.

Если не считать нескольких стычек и непрекращающегося упорства Змея почти ежедневно доставлять себе неприятности, Геллерт был столь же расстроен, сколь и доволен.

Рано или поздно что-то придется отдать, и когда это произойдет, он воспользуется любой возникшей ситуацией.

Тем не менее, присутствие Змеи оставалось насущной проблемой.

Только за последнюю неделю этот человек убил в окопах десятки своих последователей, каждый раз еще больше издеваясь над Геллертом, демонстрируя этот трижды проклятый символ, который он перенял.

Боевые силы ICW последовали их примеру со своими оскорблениями и насмешками. Не то чтобы чего-то большего можно было ожидать от неотесанного сброда, но эти инциденты влияли на моральный дух его собственных людей.

Чем раньше все начнет происходить, тем лучше.

Геллерт взглянул на часы на стене и нахмурился.

Ганс должен был прибыть почти час назад, и это было не похоже на него - так опаздывать.

Немец знал, что Геллерт не терпел опозданий.

Только когда он совсем вышел из себя, появился Готье, запыхавшийся и такой же несчастный, как Геллерт.

Бегемот дрожал от ярости, ругаясь на своем родном языке, и хотя Геллерту хотелось отчитать этого человека, он знал, что Ганс был не из тех, кто впадает в такое состояние без веской причины.

"Что случилось?" - спокойно спросил он.

Готье несколько раз сжал кулаки, прежде чем глубоко вздохнуть.

"Мастер-ударники забрали троих моих людей в Мадриде. Судя по тому, что мне сказали, они вынюхивали последние пару недель."

"Мастер-ударники?" - пробормотал Геллерт. "Должно быть, они снова работают".

"Они слишком правы", - проворчал Готье. "Убийство их лидера мало что дало, не так ли?"

Геллерт задумчиво нахмурился.

"Мы не знаем достаточно, чтобы делать предположения в том, что касается их, но если они уделяют вам пристальное внимание, возможно, мы сможем использовать это как средство получить что-то для себя".

"Что ты имеешь в виду?" - с любопытством спросил Ганс.

"Я думаю, что в наших интересах поговорить с вашими преследователями. Я бы хотел, чтобы ты подготовил теплый прием, когда они вернутся, и поверь мне, Ханс, они вернутся. Я бы хотел, чтобы вы поставили их в такое положение, чтобы я мог поприветствовать их лично. Я уверен, что при небольшом уговоре мы сможем вытянуть из них достаточно информации, чтобы снова положить конец их деятельности".

Готье нетерпеливо кивнул.

"Это будет сделано, - заявил он, - и будет еще лучше, если это будет Змей".

Геллерт покачал головой.

"Нет, он вряд ли попадет в какую-нибудь ловушку. Этот человек слишком хитер для этого, но его сверстники могут быть не такими. Сделай это, Ханс, а я нанесу визит мистеру Сато. Я все равно должен с ним связаться."

"Сато?"

"Кто может лучше рассказать нам о работе ICW, чем бывший Верховный Магвам?"

Глаза Готье расширились от волнения, прежде чем он почти выскочил из комнаты, а Геллерт весело фыркнул.

Ганса было довольно легко успокоить.

Обещание насилия всегда делало свое дело, и хотя Геллерт находил такие примитивные вещи довольно неприятными, если их не использовать обязательно, таких людей, как Готье, было полезно держать рядом.

В Чарлюсе Поттере было что-то другое.

Гарри не мог с уверенностью сказать, что это было, но мужчина изменился. Он казался выше, чем он помнил, сильнее, и даже его глаза были немного ярче. Эти изменения не были естественными, Гарри был уверен в этом, так что же произошло?

"Ты что, возился с ритуальной магией?" - прямо спросил он.

Чарлюс поперхнулся сливочным пивом, его взгляд украдкой скользнул по комнате, прежде чем он жестом попросил Гарри замолчать.

"Не совсем", - отрицал он. "Это семейная магия".

"Семейная магия?" - спросил Гарри, нахмурившись.

Чарлюс шикнул на него, еще раз оглядев бар "Трех метел", чтобы убедиться, что никто не подслушивает их разговор.

"У большинства чистокровных семей есть заклинания, которые известны только им или определенной отрасли магии, в которой они преуспевают", - объяснил он. "Краучи славятся своей способностью изучать практически любой язык, Блэки - своими проклятиями и так далее".

"А у Поттеров есть свои собственные?"

Чарлюс кивнул.

"Я не могу вдаваться в подробности, но наша магия древняя, переданная нам еще до того, как мы носили то имя, которое носим сейчас".

Гарри не потребовалось особых умозаключений, чтобы понять, кого имел в виду Чарлюс.

Певереллы.

Он знал о семейной магии Блэков, но никогда не задумывался о возможности того, что у Поттеров может быть своя собственная.

Какая-то часть его чувствовала себя более чем немного обиженной из-за того, что ему никогда об этом не говорили.

"Но это включает в себя своего рода ритуал?"

"Поскольку это ты, я могу подтвердить это, но больше ничего, так что не спрашивай. Подумай о том, что Певереллы сделали для жителей Годриковой лощины, и, зная тебя, ты добьешься большего, чем мне позволено тебе сказать."

Гарри задумчиво нахмурился.

Если Поттеры были одарены заклинаниями или любой другой магией Певереллов, то почему он не видел, как Уильям Поттер использовал это.

"Но твой отец..."

"Он не уделял этому столько времени, сколько я", - объяснил Чарлюс. "Он практиковал некоторые заклинания, но больше ничего. Он был слишком увлечен Трансфигурацией."

Гарри понимающе кивнул.

За исключением Дамблдора и, возможно, Минервы, Уильям Поттер был, пожалуй, самым знающим человеком, которого он встречал, когда дело касалось его любимой области магии.

Все еще чувствуя легкую горечь из-за того, что не знал о своей семейной магии, Гарри сменил тему.

"Ты все еще уверен, что это то, что ты хочешь сделать?"

Чарлюс кивнул.

"Я должен, Гарри, ты это знаешь".

"Да, - вздохнул Гарри, - а как насчет твоей мамы?"

"Она не стала от этого счастливее, чем была, но я думаю, она понимает".

Гарри не ожидал, что Анжелика обрадуется решению Чарлюса. Какой была бы мать?

На мгновение он задумался, что бы его собственная мать подумала о некоторых решениях,

которые он сделал, но покачал головой, отгоняя эти мысли.

Он так мало знал о Лили Поттер, что не мог даже предположить, каково ее мнение по какому-либо вопросу.

"Ты в порядке?" Спросил Чарлюс с выражением беспокойства на лице. "Вы исчезли из комнаты там на минуту".

"Я в порядке", - пренебрежительно сказал Гарри. "Итак, завтра?"

"Завтра", - подтвердил Чарлюс. "Я упакован и готов".

Гарри не был так уверен насчет последнего.

Никто никогда не был готов к войне, пока не испытал на себе, что значит быть в битве.

Как бы сильно он ни любил и уважал Чарлюса, этот человек не сталкивался с большими невзгодами в своей жизни, и уж точно ничего такого, что подготовило бы его к тому, что должно было произойти.

Габриэля переполняла гордость, когда он видел, как много британских мужчин были готовы рискнуть своими жизнями в борьбе с Гриндельвальдом. Хотя он знал, что многие присутствующие здесь были охвачены возмущением, последовавшим за смертью Уильяма Поттера, он все еще гордился, даже если очень скучал по своему другу.

Они стали такими, он и Уильям, таким образом, который можно было выковать только на поле боя.

Они сражались бок о бок, сблизилась из-за восторга и неизбежной пустоты, которые приносила смерть такого масштаба, и Габриэль стал ценить советы этого человека, его компанию и вклад, когда он был чем-то озадачен.

Он скучал по Уильяму Поттеру и не забудет того, чем тот поделился со своим другом.

"Смотрите в оба, придурки", - рявкнул он нескольким проходящим мимо мужчинам, которые только что зарегистрировались, и каждый выглядел довольно самодовольно.

Они не стали бы этого делать намного дольше, не тогда, когда поняли, что ведение войны было, возможно, самым трудным делом, которое они когда-либо делали.

Траншея, полная солдат, была переполнена, но это вводило в заблуждение. Хотя человек был бы окружен своими товарищами, пребывание на войне было самой одинокой вещью, которую можно было испытать во многих отношениях.

Было здорово сохранять самообладание в течение дня, когда вы были заняты или делились смехом со своими друзьями. Даже когда началась драка, ваш разум был занят.

Но смех и драки были нечастыми и только на короткие промежутки времени.

Большую часть времени вы были поглощены своими собственными мыслями, и именно тогда ваш характер был по-настоящему испытан.

Ночью, когда дул ветер, и каждый другой звук убеждал тебя, что враг, пробравшийся в твою траншею, вот-вот перережет тебе горло, вот тогда ты понял, что ты за человек.

"Грюм, тебе лучше разобраться с этим", - голос Овиса Брейтуэйта, коллеги-аврора, прервал его размышления.

Нахмурившись, Габриэль последовал за ним, его грудь слегка сжалась при виде сына Уильяма.

Его друг каждый день говорил о Чарлюсе с нежностью, которая не оставляла у Габриэля сомнений в том, что Уильям считал своего сына величайшим достижением в своей жизни.

"Что ты делаешь, парень?" он вздохнул, приближаясь.

"Я здесь, чтобы зарегистрироваться", - просто ответил Чарлюс. "Он тоже".

Взгляд Габриэля метнулся к мужчине, который сопровождал мальчика Уильяма, и тень ухмылки тронула его губы.

Покойный и бывший лорд Поттер был совершенно убежден, что Эванс никогда не подпишется, и все же он был здесь.

"Это правда?" - спросил Габриэль.

Эванс кивнул, его глаза метались по атриуму Министерства, демонстрируя бдительность, которой мог бы гордиться любой Грюм.

"А ты, парень?"

"Да", - твердо сказал Чарлюс.

Габриэль грустно улыбнулся молодому человеку.

"Твой отец не хотел бы, чтобы ты был здесь".

"Мой отец мертв".

"Да, это так, - печально пробормотал Габриэль, - и с моей стороны было бы плохим способом отблагодарить его, впустив тебя".

"Либо тыпустишь меня, либо я возьму дело в свои руки", - прорычал Чарлюс, шагнув вперед, его поведение застало Габриэля врасплох. "Как ты думаешь, мне было бы безопаснее только с ним или с боевым подразделением мужчин?" добавил он, ткнув большим пальцем в сторону Гарри.

Габриэль почувствовал, как у него начинает болеть голова.

"Черт возьми", - проворчал он. "Хорошо, парень, но ты никуда не пойдешь, пока я не решу, что ты готов. Твой отец ждал бы меня рядом с дьяволом, если бы я позволил, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Следующие две недели, по крайней мере, я буду пинать твою задницу по всему здешнему тренировочному залу, ты тоже, Эванс, и если я не буду удовлетворен, я, черт возьми, запру тебя в Азкабана, чтобы обеспечить твою безопасность, если понадобится. Таков уговор, прими это или оставь".

Чарлюс немедленно кивнул.

"Хорошо, но когда я докажу тебе, что я прав, мне не нужны никакие оправдания", - предупредил он, протягивая аврору руку.

Несколько неохотно Габриэль принял предложенную конечность.

"А как насчет тебя, Эванс?"

"Та же сделка?" - спросил молодой человек.

"Да".

"Я не понимаю, почему бы и нет", - согласился он. "Было бы интересно посмотреть, смогу ли я сбежать из Азкабана, если ничего другого не будет".

Габриэль расхохотался, хотя от него не ускользнуло выражение неподдельного любопытства на лице Эванса.

Был ли этот человек сумасшедшим, или он действительно думал, что сможет сбежать?

Маловероятно.

Никому и никогда это не удавалось. Эванс, возможно, и талантлив, судя по тому, что он видел и слышал от Уильяма, но Азкабан был одной из самых страшных тюрем не просто так.

"Перестань, Гарри, они не позволят тебе оставить свою палочку, а без нее ты не сможешь вызвать патронуса", - фыркнул Чарлюс.

Эванс пожал плечами, и Габриэль задумчиво посмотрел на него.

Если он мог вызвать телесного патронуса, то у него определенно был дар в чарах, среди всего остального, на что он был способен.

Победить такую ведьму, как Кассиопея Блэк, на дуэли, причем довольно основательно, само по себе было подвигом.

Габриэль подозревал, что в Гарри Эвансе было гораздо больше, чем казалось на первый взгляд.

Он держался со спокойной уверенностью, и его поступь была легкой, как у хищника; неестественно для человека, который якобы был не более чем инвестором.

За годы работы аврором Габриэль встречался с людьми из всех слоев общества, и, проводя так много времени среди опасных людей, можно было их заметить.

Эванс был таким человеком, хотя и хорошо скрывал это за маской вежливости, сарказма и остроумия.

Грюм пристально наблюдал за ним только по той причине, что ему было любопытно узнать о молодом человеке.

Он не был преступником, в этом он был уверен, но в нем было гораздо больше, чем он показывал.

"Я хочу, чтобы вы оба были здесь завтра в пять утра", - сообщил он дуэту. "Не опаздывай".

Эванс легко принял инструкцию, кивнув, и мальчик Поттер последовал за ним, недовольно нахмурившись.

Габриэль достаточно скоро увидит, из чего сделаны оба, и эта мысль вызвала усмешку на его губах.

Нет ничего лучше, чем приводить мужчин в форму, особенно когда он нутром чуял, что они не станут горьким разочарованием.

"Вы выглядите не хуже после вашего заключения, мистер Сато", - прокомментировал Геллерт, отметив, что мужчина больше не был бледным и изможденным, каким он был в ту ночь, когда его освободили из камеры во Франции.

"Я обнаружил, что тюрьма не совсем подходит мне, мистер Гриндельвальд", - ответил японец, накладывая себе блюдо с рисом, которое он ел, когда пришел Геллерт. "Я старый человек, который привык к определенному уровню комфорта".

Геллерт усмехнулся.

"И гордый, да?"

Жевание Сато замедлилось, он протрезвел и мрачно кивнул.

"Те, кто несет ответственность за мое тюремное заключение, дорого заплатят. Министр был очень расстроен тем, как со мной обращались. С моей стороны не потребуется особых усилий, чтобы заручиться его поддержкой для вас".

"Это наполняет меня радостью", - ответил Геллерт с улыбкой. "Как я уверен, вы знаете, мы оказались в крайне неудачном тупике с силами ICW. Чем скорее это будет исправлено, тем скорее наши планы смогут осуществиться".

"Конечно", - признал Сато с легким поклоном. "Я поговорю с министром как можно скорее".

"Превосходно!" Геллерт заявил: "И я рад, что вы не страдаете от длительных последствий".

"Я должен быть здоров, если хочу, чтобы те, кто причинил мне зло, заплатили за свою дерзость", - пробормотал Сато.

"Змея, не так ли?"

Сато раздраженно замычал и выругался на своем родном языке.

"Однажды он взял надо мной верх, больше этого не повторится".

У Геллерта были свои сомнения, но он не стал бы высказывать их человеку, который так любезно помогал бы ему.

"Он получит то, что ему причитается, - повторил это мнение Геллерт, - но давайте пока не будем заикливаться на нем. У меня есть другие вопросы, которые я хотел бы обсудить с вами."

"Например?" - с любопытством спросила Сато.

"ICW", - вздохнул Геллерт. "Ты был Верховным Магвампом в течение нескольких лет. Можете ли вы что-нибудь рассказать мне о том, как это работает? Все, что у вас есть о Мастерах-ударниках, было бы очень полезно."

"Мастер-ударники? Что ж, они подпадают под командование главы Министерства юстиции. Он сам по себе является силой. Федоров, его зовут."

Геллерт покачал головой.

"Федоров мертв".

Сато ухмыльнулся.

"Хорошо, - радостно сказал он, - но они заменят его кем-нибудь другим, может быть, Змеем".

"Нет, я думаю, что нет", - пробормотал Геллерт. "Он слишком занят, чтобы исполнять эту роль".

"Тогда это может быть кто угодно, - вздохнула Сато, - не то чтобы это имело значение. Отдел будет работать так, как это было всегда. Единственное его слабое место - это личные дела. Если вы их получите, вы сможете полностью уничтожить Мастеров-ударников."

"У Федорова их не было", - объяснил Геллерт.

"Тогда они, скорее всего, потеряны для вас", - ответил Сато, "но набор файлов должен существовать для справки главы отдела. Тот, что хранился у Федорова, возможно, исчез, но новый набор был бы упакован, если бы Мастер-ударники снова начали действовать."

Геллерт задумчиво кивнул, уже связывая концы с концами своего плана.

"Итак, я должен попасть к начальнику отдела".

"Действительно", - подтвердил Сато. "Если вы не знаете их по именам, то единственным способом сделать это будет доступ к штаб-квартире ICW, а это непростая задача".

"Как Мастер-ударники это делают?"

"Им выдаются специальные портключи, которые предоставляют им доступ. Они должны быть активированы Мастер-ударником, которому они даны. Если это не так, то человек, пытающийся им воспользоваться, окажется выброшенным в вулкан в Азии, а портключ будет уничтожен вместе с ним".

"Это довольно остроумно, - похвалил Геллерт, - но если бы я должен был поймать одного живым?"

"Тогда вы, возможно, могли бы заставить их действовать", - признал Сато.

Для Геллерта это была прекрасная возможность, которую нельзя было упустить.

Ганс добудет необходимых Мастер-ударников, а Геллерт пустит их в ход.

"Вы дали мне много поводов для размышлений, мистер Сато", - почтительно произнес он. "Я действительно с нетерпением жду, когда ваша страна вступит в войну", - добавил он, вставая.

"Скоро", - пообещал Сато. "А что насчет мисс Блэк, она пережила свое испытание?"

"Благодаря вам", - ответил Геллерт. "Действительно, очень неприятное дело, из которого ей посчастливилось выйти с другой стороны, даже если это было связано с самыми трагическими новостями".

"Трагические новости?"

"Ее брат был убит в Париже, а ее отец скончался всего несколько дней спустя".

"Трудное время для нее", - прокомментировала Сато.

"Она все еще оплакивает их обоих. Теперь они похоронены на территории дома, который мы используем, с соответствующими почестями. Другой ее брат, новый лорд Блэк, отказался иметь с ними что-либо общее и даже имел наглость угрожать мне какими-то довольно красочными выражениями."

Сато покачал головой.

"Пожалуйста, передайте мои соболезнования".

"Я так и сделаю", - заверил Геллерт мужчину. "Кэсси очень благодарна за то, что ты сделал. Ей действительно повезло, что ты самый искусный в определении ядов."

"Это навык, которым должны обладать все люди, обладающие властью. Вы никогда не знаете, когда кто-то может пожелать видеть вас мертвым, а яд - самый тайный из методов. Тем не менее, я все еще озадачен тем, как она это проглотила. Не похоже, чтобы она съела что-нибудь, данное ей врагом."

"Она этого не сделала", - подтвердил Геллерт. "Ее нападавший добавил яд в своего рода туман, убивающий людей, которые отправились вместе с Кассиопеей, чтобы разобраться с Фламеями".

"Вы знаете, кто был нападавшим?"

Геллерт кивнул.

"Он племянник Фламелей, человек по имени Гарри Эванс. Довольно одаренный волшебник."

"Он должен быть таким, чтобы сотворить такое заклинание", - размышлял Сато вслух.

"Еще один вопрос, с которым мы разберемся в свое время", - пренебрежительно сказал Геллерт. "Скоро, вы говорите?" он спросил.

"Скоро, Геллерт", - пообещал Сато. "Война скоро изменится в вашу пользу".

Геллерт улыбнулся и попрощался со своим спутником благодарным кивком.

Скоро не могло наступить достаточно скоро, но до тех пор, пока ситуация на границе между Бельгией и Францией оставалась такой, какой она была, Геллерт будет довольствоваться.

Терпение было чем-то, к чему ему пришлось привыкнуть.

"Для высшего блага", - пробормотал он.

<http://tl.rulate.ru/book/76052/2701192>